

Война: судьба или злая воля?

Любимова Т.Б., Институт философии РАН
tat-lub@yandex.ru

Аннотация: В современном мире война становится тотальной, а сознание милитаристским. Объяснения этого явления частными теориями (социологическими, экономическими, политологическими) не исчерпывают этого явления. Идея вечного мира зародилась давно, но она остается утопической. Существуют культурные различия в понимании войны и мира. В учении о Единой Духовной Традиции содержится метафизическая точка зрения на эту проблему. Ей присуща в этом отношении универсальная позиция, охватывающая ход цивилизации в целом. Во многих традиционных культурах она осознавалась в понятиях добра и зла. Общим знаменателем разных точек зрения было: война есть неизбежное зло. Военные теории разрабатывались, нередко идеологически оправдывающие это зло стремлением к миру и благу. Власть, война и культура, взаимно друг друга поддерживают и производят. Войны ведут власти против других властей. Война и власть, взаимно индуцируя друг друга, возрастают глобально и тотально. От всех других типов конфликтов война отличается тем, что убийство в ней есть не просто событие, а норма, оно даже приветствуется, становится привычным.

Ключевые слова: Власть, идеология, война, культура, искусство, традиция, метафизика, мир, символ, история, убийство

*Война – отец всего
Гераклит*

Л. Н. Толстой в «Войне и мире» сравнивает разворачивание боя с действием механизма. Ход событий, будучи запущенным, производится с неодолимой точностью, как если бы ими управляла невидимая машина. Поразительна и незабываема сцена ранения князя Андрея Болконского, когда он лежал на поле битвы среди раненых и убитых соратников и врагов, и над ним раскрылась бездонная глубина и голубизна высокого Неба (его мистическое переживание Неба, конечно же, должно быть отмечено заглавной буквой). Небо мгновенно раскрыло всю ничтожность и мелочность людей, коих обыкновенно даже считают великими: так кн. Андрей воспринял остановившегося рядом с ним Наполеона, коим он прежде так восхищался. Все ничтожно перед тем, что открылось ему в то предсмертное мгновение (оно растянулось на время, не перестав быть предсмертным). Что ему открылось? Несомненно, ни с чем не сравнимая бесценность жизни. Война по своему своему понятию есть отрицание жизни. Но она роковым образом оказывается неизбежной. Ее даже оправдывают, так как она «двигатель прогресса» или историческая необходимость. В ней находят даже много пользы и моральных оправданий для нее. Но И. Кант, философ *par excellence*, со свойственным ему пессимизмом относительно природы человека отодвигавший достижение желанного вечного мира в бесконечную даль будущего, все-таки вполне твердо и как всегда с внутренним достоинством писал, что войны *не должно быть* (ведь война и признание ее фактической неизбежности отрицает достоинство человека как такового). На другом конце Земли и очень давно, две с половиной лет тому назад, другой мудрец, Мо Ди (Мо-цзы, мудрец Мо) тоже высказывался против захватнических войн, выдвигая в качестве принципа совместной жизни людей «всеобщую любовь и взаимную выгоду», следование «воле Неба» (тянь джи), являющуюся критерием различения добра и зла, различать которую мы можем при помощи духовидения (духи осуществляют связь между Небом и людьми) [10, 600, 616]. «Если правители и служилые люди действительно хотят сделать миру добро и искоренить зло, они должны понять, что самое большое зло в мире – это захватнические войны» - утверждал Мо Ди [8. 30]., ну, просто Кант древности! Если считать древнекитайскую ментальность еще

традиционной, то получается, что добро и зло не есть моральные категории, это вопрос знания. Точно так же, как и Библии – Древо *Познания* добра и зла, оно же Древо *Жизни* (Древо ведь в изначальном Раю может быть одно и то же). «Ева» переводится как «жизнь». Кто же этот, кто познает добро и зло, в особенности зло, воин и потенциальный убийца? Какая сила заставила раздвоиться изначальную Еву? Я привожу здесь разные источники, не слишком удаленные, как нам представляется, от традиции, не для сравнения. Это занятие бессмысленное, все равно, что сравнивать кошку с совой только потому, что у них глаза круглые, или змею с лебедем, потому что у последнего шея лебединая (как бы змея). Мы не сравниваем и не сближаем, а отсылаем к общему источнику Знания, навеки скрывшемуся от нас, подобно Василисе Премудрой¹, скрывшейся на дне, во владениях Морского Царя. Может быть, на перекрестке этих указателей, векторов скрыт этот источник, тем более что китайцы напоминают чем-то по духу иудеев, они просто суть восточные евреи. Однако переключка между далекими по времени и в пространстве культурами возможна.

Война есть, но ее не должно быть. Вот основное «быть или не быть» человеческой истории. Одновременно это есть «добро и зло», «знать или не знать». Обсуждая ее по этим смысловым осям, мы остаемся на горизонтали феноменов и фактичности. Однако, как и любую проблему совместной жизни людей, состояние войны и мира можно и нужно рассматривать теоретически и при этом с многих позиций и, по возможности, на разных уровнях обобщения. Непосредственные участники войн, хотя они и видят все воочию, редко задумываются об их причинах – социальных, исторических, о метафизическом их смысле, не вникают в саму философию войны. Это просто невозможно, они следуют непосредственным определениям ситуации, отвечают или не отвечают на ближайшую угрозу, отвечают на удар ударом или, выдерживая паузу, отвечают каким-нибудь хитрым маневром. Действуют в режиме реагирования, а не понимания.

Конечно, философия, и не только она, размышлявшая о причинах войн и о способах и возможности их прекращения в течение тысячелетий в разной форме, не дает окончательного ответа на подобные вопросы. Однако она способна ставить эти вопросы разнообразно и парадоксально, а это важно для осознания роковой опасности «тропы войны».

Разумеется, что эту проблему невозможно решить и даже поставить более или менее адекватно вне рассмотрения соотношения войны и власти. В книге Бертрана де Жувенеля «Власть: естественная история ее возрастания» весьма наглядно и доказательно утверждается, что власть, война и то, что мы называем культурой, взаимно друг друга поддерживают и производят. Войны ведут власти против других властей или против других культур; бывает, что и против своей, когда их соотношение достигает максимума противостояния или предела отчуждения. Власть входит в конфликт с культурой, которая ее произвела. Но вообще войны ведутся против людей, хотя на уровне событий и их оправданий это выглядит как войны государств, стран, режимов между собой. Война и власть, взаимно индуцируя друг друга, возрастают глобально и тотально. От всех других типов противостояния и конфликтов война отличается тем, что убийство в ней есть не из ряда вон выходящее событие, а норма, оно допускается и даже приветствуется, становится обычным и привычным.

Нормальное, традиционное отношение власти и культуры – согласованное взаимодействие, но в историческое время, когда в чистом виде традиция уже не прочитывается явно в устройстве социума и в образцах культуры, и когда ее надо искать в не очень уже понятных символах, эта согласованность нарушена. Для современного мира такое согласование осуществить сложно, поскольку это мир смещения, где любое согласие и солидарность оказываются шаткими. Соответственно и теории откликаются на эту шаткость, исходят из оппозиции хаос-порядок, представляющейся современному человеку самоочевидной. Теории, состояние мира и состояние умов в мире идут рука об руку, передавая друг другу все возникающие смысловые импульсы. Традиционный взгляд признает изначальным сверхсложный единый порядок, хаос же вторичен, он порождается деградиационным процессом,

¹ В русских сказках мудрость и разумность воплощена характерным образом в центральной женской фигуре. Это есть свидетельство символического присутствия изначального традиционного принципа. Сказка – ложь, да в ней намёк...

охватившим все стороны человеческого существования, он есть характерный признак современного состояния мира.

Войны были в историческое время всегда, т.е. время, о котором сохранились какие-нибудь сведения. «Священные книги», Библия, Коран, Махабхарата говорят о войнах. Авеста еще не говорит о войнах, не потому, что не было войн (иранцы воевали против туров, Иран против Турана, оседлые племена против агрессивных кочевников), а потому что зороастризм после реформы древней иранской религии Заратуштрой² (VII-VI в. до н. э.) это не совсем религия в нашем понимании, это метафизическая система. Вражда в этой системе представлена как борьба двух метафизических начал, борьба за существование сотворенного мира или с целью его разрушения. Это борьба за Время, точнее, борьба внутри конечного времени за Время бесконечное. В зороастризме есть развитая философия времени, позже вылившаяся в религию, естественно, противостоящую своему истоку. Многие элементы этой метафизической системы присутствуют в более поздних религиях, например, в христианстве, в философии и науке, например, представление о шарообразной Земле. Изначально родство зороастризма с индуизмом. Известно, что в индуизме и в зороастризме многие персонажи имеют противоположные знаки, хотя исток у них один, изначальная полярная традиция, разошедшаяся в историческое время на два независимых рукава - на Запад и на Восток. Но Махабхарата описывает истребительную войну, при этом не важно, как мы эти сообщения интерпретируем, как исторические факты или же символически. Самый почитаемый священный текст в Индии, Бхагават-гита (Песнь Бога), есть символически 18 ступеней йоги, предназначенной для воинов, кшатриев. Бог Кришна объясняет герою, что его прямой долг убить своих врагов-родственников. Доводы совершенно метафизические. Одно другое не исключает. История имеет свой символический аспект.

Несмотря на то, что войны были всегда, но такой мобилизации всех сил как материальных, как и интеллектуальных, которую произвели войны XX века, в истории не встречалось. Они произвели поистине глобальную мобилизацию ресурсов и тотальную милитаризацию общественного сознания. Еще в XVI в. императоры Европы не могли собрать сколько-нибудь значительное войско для противостояния Османской империи. К нашему времени тотализация войны нарастает стремительным темпом. «Тотальная война есть не что иное, как завершение непрерывного движения к своему логическому концу безостановочного прогресса войны. Следовательно, объяснение нашего несчастья надо искать не в нынешнем положении дел, а в истории» [6, 27-28]. Масштабы войн увеличиваются не сами по себе, независимо от процессов, происходящих в культуре. Войны, наращивая свои средства нападения и защиты, тянут за собой развитие наук, поляризуя его в нужном для себя направлении. Научный и технический прогресс в его мирном использовании есть только побочный эффект войны, ее отходы. Как говорит один персонаж в «Идиоте» Ф. М. Достоевского, наши пороки и железные дороги предвестники «Звезды Полюнь» (т.е. конца света, впрочем, конец света был уже вначале, давным-давно). В центр круга культуры, ее хоровода, выходит Власть со своими собственными интересами. И она ставит себе на службу все остальные виды ее деятельности, право, искусство, мораль, образование, религию, которая находит аргументы для освящения и Власти, и Войны. Возникает всеобщая воинская повинность. Идеология Войны и Власти постепенно тоже становится тотальной – от борьбы

² О глубокой древности индоевропейской традиции, которая в историческом времени нам известна как зороастризм, свидетельствует даже звучание имен. Например, первый царь-жрец в шумерской традиции Зиусудра, очевидно, стал Заратуштрой. Таким образом, тождество этих имен показывает, что это не есть в нашем смысле личные имена. Это даже не функция в социуме. Это центр равно как человеческого, так и космического существования: «Институт царской власти был повторно принесен на землю после потопа, поскольку эта катастрофа была равнозначна “концу света”. Спасая единственный человек – Зиусудра, по шумерской традиции, или Ут-напшти, по аккадской... Во многих вариантах мифа потоп является следствием человеческих “грехов” (или ритуальных промахов); иногда его вызывает просто желание божественного существа покончить с человечеством» [11, 82-83]. Царь-жрец есть тот, кто спасся после потопа, т.е. возродился. Его долг в этом качестве – восстановить после уничтожения человечества совершенный изначальный порядок. Не случайно в иудейской традиции аналогичная фигура – Ной. Имя это переводится как «успокаивающий». Это тот, кто транслирует сквозь испытание уничтожением изначальный порядок, чем успокаивает Хаос взбунтовавшихся вод. Вода в начале творения и вода, но уже в состоянии хаоса, - в его конце. Основные смыслы, воплощенные в фигурах героев, богов и богинь, ведут свое происхождение из той же древности. Самый наглядный пример – Афина. Об этом речь пойдет ниже.

классов до борьбы за демократию или, напротив, за самобытность и национальную независимость. Кстати, образование наций и национальных государств тоже вписывается в этот прогресс Войны и Власти – размаху Войны сопутствует размах Власти. И общий фон этой всемирно исторической сцены без всякой рампы и зрителей – поскольку все втянуто в действие этого зловещего спектакля, – общий фон создается фиктивным капиталом. Декорациями на этой сцене выступают деньги, банки, биржи.

Иногда деньги называют кровью общественной жизни, они циркулируют по телу социума, разнося по его «клеточкам» необходимые для его жизни средства. Однако, как и все в этом мире, они имеют двойственную природу. Они не только посредники в обмене необходимыми для жизни ресурсами, но по своей метафизической сущности они есть *мертвое* время. Ведь они суть знаки затраченного живого времени на какой-либо труд или отнятого времени, сконцентрированного в «благах». В них живое время умирает, и нет возможности его вновь оживить. А эта мёртвость посредников («крови») с легкостью раздувается в пузыри фиктивного капитала. Их пустота, вакуум затягивает в себя энергию жизни, не возвращая ее уже никогда. Сундук Скупого Рыцаря у А. С. Пушкина – вот гениальный образ капитала, символ мертвого времени. Итак, деньги, мёртвое Время, – это третий главный персонаж на сцене мира, где разыгрывается эта ужасная трагедия. Если бы человечеству удалось найти автора, то оно смогло бы, надо думать, избавиться от этого наваждения. Правда может оказаться, что он сам и есть автор, и ищет он самого себя, когда найдет – убьет. А не найдет – все равно погибнет. А вечно стоять перед камнем «направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – убиту быть» – не устоишь. Как же быть?

Все туго сплетается в один «клубок змей». Власть и Война усиливают друг друга под прикрытием любых лозунгов. «Зачем нам нашествие варваров? Мы сами себе гунны» [6, 33] В современном мире Властью и Войной правят по видимости деньги, мертвое время, капитал, банковский фиктивный капитал. Власть и Война вышли на рынок и стали товаром. Эти три начала образуют мировой круг, в котором замыкается история человечества. Идея конца истории или конца мира – древняя, как сама история и как сам мир, – обретает гротескный вид «узла», туго завязанного так хитро, что его не развязать, ни разрубить.

Если обратиться к другой модели понимания мира, более традиционной, сохраненной культурой Востока, то на состояние войны можно и даже следует взглянуть с метафизической точки зрения. В простой модели круга рождений и смертей человек занимает среднее место между богами и адскими духами. Он располагается на крайних точках горизонтального диаметра этого круга. Если он, совершенствуясь, движется к верхнему полюсу, к состоянию богов, то это не значит, что он навечно останется богом. Вслед за этим, почти вечным блаженством, последует нисхождение к нижнему полюсу, превращаясь сначала в животное, затем в адские создания. Также и из состояния адских духов есть возможность начать движение вверх. Так это или не так – никто не может с абсолютной достоверностью свидетельствовать, потому что вспомнить все невозможно. Вспомнить всё означает стать всем – столько велики претензии человека, всегда посрамляемые смертью. Наверное, схема вращения круга рождений и смертей придумана для профанов. Не надо отождествлять ее с циклическим временем, в котором циклы (круги то есть) разомкнуты. Надо думать, что у творца – не важно, есть таковой, или его нет, ведь это тоже идея, – хватило бы воображения, чтобы разомкнуть этот заковывающий универсальное существование круг, наводящий тоску своим вечным повторением. Разомкнуть хотя бы в спираль, а лучше в вортекс³, о котором рассказывает нам Рене Генон, мыслитель и посвященный, создавший учение о Единой Духовной Традиции.

В модели круга все ясно – чем ближе состояние человека к нижней точке колеса (ведь эта геометрическая фигура, вероятно, вращается, иначе почему же существа то поднимаются, то опускаются), чем ближе к этой точке состояние мира, тем более грозными и свирепыми, прямо-таки тотальными будут войны. В нижней точке не просто война всех против всех, а настоящий апофеоз войны. Напротив того, в верхней точке, в мире богов, состояние мира, блаженства и любви. В середине, значит, в мире людей есть и война и любовь. Тут мы должны вспомнить удивительный символ слияния войны и любви, который нам бросается в глаза, когда

³ Вортекс есть фигура, разумеется, символическая, напоминающая сложный винт, сложное топологическое пространство.

мы видим мифы Античной Греции. Мифы не есть сказки и выдумки, как считает современная наука, не есть они фантастическое отражение явлений природы. Они суть символы, а символы нас отсылают к метафизическому знанию. Это как бы иероглифическое письмо сверхприродного познания.

В нашем случае мы встречаем Афину, Афродиту и Геру как три ипостаси одной и той же богини (само имя Гера означает «Старая», Афина же Паллада – девственница, Афродита – возраст страстей) [4, 13]. Афина вооружена, Иногда встречаются изображения вооруженной Афродиты. Гера – не просто старая, но она есть вечный порядок (левая его сторона, как Зевс – правая, активная). Самый яркий символ единства Афродиты-Любви и Ареса-Войны в мифе об измене Афродиты Гефесту. Гефест застает свою жену Афродиту в объятиях Ареса. Чтобы наказать их, он набрасывает на них скованную им железную сеть. И зовет богов, чтобы те посмеялись над этой прелюбодейной парочкой. Смысл этого мифа – бессмысленного с точки зрения обыденного ума – в том, что весь мир есть слияние любви и вражды, войны, но это единство удерживается «сетью», т. е. неодолимым порядком, вселенскими законами. Разве не напоминает нам эта картинка, которую созерцают боги, символ Тай-цзи, Великого Предела дальневосточной традиции?

Есть разные варианты изображать форму истории. Наиболее объемлющей доктриной является концепция Рене Генона. Противостояние Востока и Запада, есть характерный момент современного мира, результат отклонения западной цивилизации от единого принципа Духовной Традиции.

Согласно его идее Духовная Традиция вечна. Она проявляется разными аспектами в разных цивилизациях, но не как у Гегеля, у коего история разворачивается в последовательных, связанных между собою исторических состояниях сознания, воплощающихся в народах, эпохах и выдающихся личностях, легатах Абсолютного Духа. Изначальная Традиция у Генона проявляется как полярная, но не в географическом смысле, а в смысле «полюса мира», только в процессе материализации обретающая свои исторические и географические очертания. Из полюса она разворачивается не как последовательность во времени, а как бы расширяется в разных направлениях, проявляется во множествах. Причем последовательность, если и есть, то это не преемственность. Традиция передается вне времени, может быть, над временем. Из всех известных исторических рассказов, коих несметное число приведено в антропологических, этнографических исследованиях, невозможно выбрать какой-нибудь, утверждая, что он изначальный, потому что древний. Ясно, что такой выбор был бы совсем произвольным, так как древность рассказа отнюдь не есть достаточное свидетельство его изначальности. Чтобы выбрать изначальный рассказ (изначальный миф) надо иметь какую-нибудь систему отсчета, какую-то схему истории. Генон в качестве наиболее адекватной логики «всего» – логико-метафизики истории, – выбирает индуистское представление о форме циклического времени (а значит, и истории, коему история подчинена тотально). Длительность циклов соотносятся в убывающем порядке как 4:3:2:1, т.е. время как бы сжимается, а события истории собою иллюстрируют нисхождение, спуск от высших духовных состояний к низшим. В наш период времени (называемый Кали-Югой, т.е. Черным временем, в котором господствует богиня Кали) предшествующий период выступает как некий полюс, от которого идет разворачивание и спуск до того состояния, которое мы теперь наблюдаем, т.е. состояния вражды. Изначально война немыслима. Как только зло было бы создано, так тотчас же оно было бы уничтожено. В учении о Единой Традиции изначально Единое, а у Единого, в силу того, что оно Единое, нет врага.

В историческом времени, то есть периоде, о котором сохранились какие-то более или менее внятные сообщения, такой полярной цивилизацией, в которой война немыслима, можно считать общий корень всего современного человечества, и в частности – индоевропейских народов, сохранявших связь с Полюсом вплоть до исторического времени Традиционные знания мы не можем расшифровать, мы можем их только интерпретировать.

Итак, изначальный (зороастрийский) миф [1]. Он является историческим ядром или, лучше сказать, узлом всех тех нитей (связей), которые впоследствии в истории развернутся во всей европейской культуре, которая есть спор и частичное слияние изначальной *полярной* и южной *экваториальной* цивилизаций. Разумеется, их взаимодействие стерло большинство первичных черт, но все-таки осталось нечто, достойное интерпретации.

«Полярники» столкнулись у Средиземного моря с семито-хамитской цивилизацией, двинувшейся (вероятно, после катастрофы с Атлантидой) из Африки на север. Эти цивилизации покоились на разных принципах, между «полярниками» и «южанами» не было *cognatio spiritualis*. Тем не менее, они взаимодействовали. Ввиду разницы принципов, на которых покоились эти цивилизации, их столкновение не могло носить мирный характер. Продуктом этого взаимодействия стала европейская, западная цивилизация, содержащая в себе жестокие внутренние противоречия, представляющая собой вовсе не синтез, а смешение разнородных элементов. Современность задается западной цивилизацией со всеми ее противоречивыми и антитрадиционными чертами. Да и само представление о традиции в западной ментальности никакого отношения к действительной традиции не имеет, потому что таковой здесь считаются всякие обломки разных культур, всяческие дикости и обычаи маргинальных племен или групп.

С разных концов нашей планеты, в разные времена традиция говорит нам об одном и том же. Но как нам, людям современного мира, применить это знание, что нам до него? Ведь война не абстракция, люди убивают друг друга вполне реально, и нет той железной сети, которая удержала бы их в границах вселенского закона. Напротив, война опровергает все законы, кроме, конечно, физических. Наверное, метафизических тоже, и даже в первую очередь, но мы ведь, современные люди, о них ничего не знаем.

Экономисты, социологи и другие профессионалы и специалисты находят причины современных войн в нехватке ресурсов.

Войны бывают разными по методам и средствам их ведения, но в материальном плане они всегда ведутся за ресурсы, и самые основные из них – это время и энергия. Материальные богатства и само пространство – производные, вторичные цели, хотя иногда они выходят на первый план, маскируя более мощные стимулы. Для физически смертного человека и отнюдь не бессмертного человечества время – главный ресурс. Борьба за него ведется не только с природой, но и с себе подобными (присвоение чужого труда, денег, ведь деньги это время, только мертвое). Такая борьба невозможна без энергии (в самом широком понимании). В конечном счете, миром правит тот, у кого больше энергии. Эту энергию можно превратить в материальные блага, но можно и материю превратить в энергию, что люди делали издавна. С помощью энергии можно овладеть и большим временем, и покорить (присвоить) больше пространства. Более совершенное оружие – это обладание большей энергией с меньшей затратой времени. В каждый конкретный момент важно не то, сколько было затрачено времени и энергии на создание такого оружия, а есть ли оно в распоряжении того или иного государства или отдельного человека.

Время, энергия, материя, пространство – это всё экзотерические цели войны. Эзотерический план дает совсем другую картину.

Война идет не «за что-то», и даже не «против чего-то, кого-то». Это внешнее проявление спутанности линий времени и судеб. На едином вихре универсального существования каждая его точка ведет свою линию, все вместе они суть одно целое. Все и каждое (существующее) имеет свое место, даже все немыслимые отклонения, катастрофы и концы света все включены в одну вселенскую бесконечно сложную гармонию. Одно «место» (состояние бытия) ниже или выше другого; в социальном плане это выглядит как развитие или отставание. Задевая друг друга, разные состояния входят в диссонанс. Спутанность линий развития в горизонте феноменов и фактичности⁴ может порождать массу напряжений,

⁴ Человек есть самость, лишенная сущности, по меткому выражению Гегеля в «Феноменологии духа», (в русском переводе 1911г.). Сущность остается как нечто «внутреннее» по отношению к феноменам. В свою очередь феноменология есть логика развития сознания. Феномен плюс знак = факт, в самой сущности нет никакой фактичности. Где ставится центр человеческого существа – в фактичности или в сущности – в этом водораздел, или скорее, поворот от традиции к современной феноменологичности. Факт мы воспринимаем как нечто определенное, ставшее стабильным, помещенное в прошлое или в вечный порядок, и то, и другое мыслится нами как нечто точно определенное, неизменное. Физический факт, исторический факт или факт любой другой научной дисциплины законен только внутри той или иной познавательной схемы. Факт как реальность – вещь незаконная для понимания мира и знания о себе. Реальность не сложена из фактов; если она непрерывна, то ее сложить из фактов невозможно. Но знание может быть не фактичным. Практика есть абстракция. Опыт есть абстракция. Факт есть абстракция тем более. И даже физический факт. Исторический факт, сам по себе, формируется на фоне согласия относительно того, что имеет значение, а что не имеет такового, в него входят определения событий,

разрывов, с исторической точки зрения – войн. С метафизической – никто и ничто не нарушает ничьих границ. Одно состояние бытия переходит в другое для вихрека незаметно, для участников этого состояния переход в другое – катастрофа, т.е. усилие пересечь границу становится катастрофой для того, что остается за пересекаемой границей. Оно для нового состояния есть прошлое и в этом качестве уничтожается.

Идеи суть посредники между метафизикой (принципами) и фактичностью физического мира. Или фактичностью социального мира. В нем к назревающему конфликту создаются в ответ на запрос ситуации идеологии. При этом не всегда лучше сделанная, более изощренная идеология побеждает. Идеи движут миром, и они действительно работают как двигатели. У каждой своя мощь. Свой пробег, свой радиус и интервал действия, свои параметры и возможности (подобно тому, как для трамвая нужны рельсы, для самолета – крылья, а для вертолета – винт, что и дает возможность двигателю двигать, а средству передвижения двигаться). Идеи, на первый взгляд не слишком сложно устроенные, могут обладать огромной действенностью, не зависимо от их правоты и даже уместности. Действуют сами по себе, так сказать. Но это не значит, что слишком сложные для понимания массами идеи обязательно будут бессильными. Напротив, они часто бывают долгожителями, а простые быстро разгадываются и теряют свою силу, опустошаются. Сложная идея ищет другой путь реализации, не напрямик, а такой, на котором она не будет остановлена.

Человек и всё человечество живёт в потоке множественных состояний. Каждый квант времени ему приходится реализовывать себя заново, поскольку окружающая его среда и само внутреннее состояние человека меняется настолько, что даже небольшие изменения способны вызвать состояние хаоса. И он возникает как в организме, так и в обществе. Поток этот турбулентный, мы считаем его хаотическим. Можно ли противостоять ему? Понятия хаоса и порядка соотносительные и в значительной мере условные. В них отражено рассогласование ритмов времени, но это есть беспорядок относительно чего-нибудь, т.е. другой уровень порядков. Порядков множество в том, что мы вырезаем как нечто-то единичное. Точнее сказать, вселенский порядок один, один в динамике, локально он выглядит множественным, поскольку мы вырезаем один «локус и момент», обрывая все связи; так возникает иллюзия хаоса. В нашем физическом мире противостояние «хаосу», нами же и порождаемому, выступает как борьба. Борьба – это аналог войны, поскольку необходимо преодолевать разрушительные (хотя разрушение есть момент становления) составляющие мира.

Эта точка зрения, опирающаяся на общепринятую идею взаимного противоположения хаоса и порядка, кажущуюся очевидной, вызывает ряд сомнений. Нередко очевидное обманывает. Само слово «хаос» означало в Древней Месопотамии тот дом, где из глины делали богов [5, 157]. Смысл устойчив, поскольку такие субстанции, как глина, встречаются нередко. Глина мягкая и бесформенная, а форму, порядок, т.е., придают ей боги, а с богами связан порядок в силу того, что они его должны поддерживать, иначе их разбивают и обратно превращают в «хаос», в глину, стало быть, проекция этих действий-представлений на внешний мир и порождает стойкое представление о хаосе и порядке. Порядок – ряд, вне ряда, строя – беспорядок. Причем понятие порядка тоже содержит в себе субъективный момент. Локально выделяемый нами какой-то ряд, строй на основании определенного параметра (нами же или тем, что сложилось в стандартах культуры, т.е. тоже нами, но уже в качестве представителей всего человеческого рода) мы объективируем, даже онтологизируем, затем из этих обрывков,

места, времени, лиц и многие другие определения, все сложившиеся с разной степенью условности. Вся информация, сжавшаяся до факта, поляризована доминирующими в данном социуме ценностями. В этом смысле нет объективно существующих фактов истории, поскольку история сама существует только как рассказ об этих фактах истории. Существование фактов истории аналогично существованию на сцене персонажей, ищущих своего автора. За каждым фактом стоит множество привходящих не обнаруженных и не обнаруживаемых условий, которые не могут быть обнаружены отчасти из-за временной ограниченности знаний, из-за сужающих горизонт познания исходных исследовательских позиций (исследование как преследование предполагаемого знания по определению ограничено, следовательно, не совсем есть знание), а отчасти и по природе. Т. е. под поверхностью фактичности колыхается океан неведомого и не выявляемого, от которого покрывало фактов отнюдь ничем не отделено. Факт – иллюзия в самом тяжелом смысле слова, ведь он себя выдает за истину, упорно и неопровержимо. Его можно опровергнуть только другим фактом, а тот еще другим и так до бесконечности. Фактичность принципиально не может быть замкнута на самой себе.

рядов создаем «картину мира». Принимаем ее как стилобат, на котором устанавливаются колонны техно-мира.

*** **

Построение искусственного мира, отгораживающего человека от того, что мы называем природой, с неизбежностью приводит человечество в состояние войны с окружающим миром. По сути, войны со средой, с её жёсткими условиями существования. В идейном плане войны ведутся из-за смысла, точнее – разности смыслов, и за смысл, за утверждение своего смысла. Наблюдаемое сегодня состояние тотальной войны, развязанной западной цивилизацией, это попытка сохранить главенство своего смысла, своего понимания устройства мира. Почему сегодня? Перестало хватать энергии и времени. Поднялись на уровень осознания своей значительности и важности в этом мире те общества (например, Индия или Китай), которые западные политики привыкли считать второсортными. Однако единичность, которую они пытаются отстоять, противоречит изначальной множественности нашего физического мира и человечества.

Возможен ли в этих условиях мир? Пока человечество как целое не осознает, что смысл его существования неотделим от смыслов существования каждого индивидуума и складывается из этих смыслов, мира не будет. Здесь важно отметить, что речь идёт о смысле существования человека в проекции к вселенной, и прежде всего к её информационной, духовной составляющей. Именно с этой позиции можно говорить о переходе от множественности как раздробленности к множеству как единству. Переход либо совершится восстановлением Единой Традиции, либо приведёт к гибели цивилизации⁵.

Но война ведется не просто за смысл или из-за разности смыслов, а из-за того конгломерата информации и сопровождающей ее энергии, которые спрессовались и накопились из «материи» этих смыслов. Конгломераты обладают определенной жесткостью, ригидностью, мы от них избавиться не можем, поскольку это *все* наше прошлое. Что это за конгломераты смыслов, слившихся, сплавившихся в причудливую – стало быть, неповторимую – форму? Это вся наша психика – чувства, убеждения, так называемые ценности и все прочее. Идеи в том числе. Мировоззрения. Идеалы. И сам язык, конечно. За их неприкосновенность и воюют, среди прочего. Они обобщаются, согласовываются с другими, усиливаются ... и сталкиваются непримиримо.

Однако то, что война ведется из-за энергии, времени, ресурсов, представляется верным, если на дело смотреть с точки зрения индивида, группы, конкретных государств, т.е. с частной точки зрения. С точки зрения нужды. Чем более общую или даже универсальную точку зрения занимать, тем яснее, что не из-за этого всего она ведется, и ведет ее не человек, не группа индивидов. Корень войн – в инферно (согласно традиционным учениям то, что мы называем «Ад», возник вместе с первым убийством живого существа, с того момента, когда зло вошло в сотворенный мир). Современная цивилизация не очень обеспокоена тем, что она никак не защищена от темных влияний этого «дна» универсального существования.

Война есть трата времени – самое большое богатство это свободное время, бездеятельное, созерцательное. Такое богатство при помощи войны добыть невозможно. Война есть трата энергии, в том числе и человеческих ресурсов (человек ведь есть концентрат всяческой энергии, а то, что ему приходится обращаться к грубым внешним энергиям, есть следствие как раз его ослабления, которое вызывается войнами, убийствами, агрессией, иначе говоря, Духом Тьмы). Истребление людей ведет к ослаблению энергетического поля Земли и человека, как его соучастника – чем больше человек осваивает энергии, тем меньше Земля будет его «укрывать», защищать, тем больше ему будет нужно ресурсов. Нужды тем больше возрастают, чем изощреннее средства их погашения. Это дурная бесконечность. В конце концов, человек станет ростом не более собаки, а жить будет не более 20 лет, а нужно ему будет все больше и больше. А Вселенной не будет до него никакого дела. Как говорит Лао-Цзы, человек значит для Вселенной не больше «соломенной собаки». (Соломенная собака это

⁵ Последние размышления о причинах и практических мотивах войны взяты мною из нашей переписки, касающейся различных философских вопросов, с Безугловым В.В., д. хим. н., проф., Институт биоорганической химии им. Акад. М. М. Шемякина и Ю. А. Овчинникова РАН.

такая идиома, которая означала в Древне Китае исчезновение значимости. Ее, т.е. соломенное чучело собаки, несли перед похоронной процессией, чтобы она отгоняла злых духов. А после похорон это чучело сжигали, чтобы избавиться от пойманных ею злых духов).

Война обязательно предполагает средством и следствием убийство. Информационные и экономические войны только преддверие, да и они влекут за собою убийства. Убить или не убить – вот в чем вопрос. Первое - война, второе - мир⁶.

Война всегда ведется ради установления мира, то есть равновесного состояния некоего более или менее ограниченного и условного порядка. Условия установления мира – передел собственности, утверждение другой идеологии или даже мировоззрения, смена или расширение и усиление власти. Это каждый раз определяется сложившейся ситуацией. Как говорится, не только «война план покажет», то есть дела пойдут не так, как наметили стратеги, а по ее собственным законам, но она же предъявит и свой счет и собственный результат. Результат, как правило, не ожидаемый теми, кто принимал в ней участие, кто ее затевал и ставил цели, как если бы воевали не реальные люди, а некие надмирные силы, которым нет никакого дела до страдания людей. Это так, если ограничиваться частной точкой зрения: исторической, социологической, экономической, психологической или политической. Или культурологической, потому что теории войны разнообразятся от одной развитой культуры к другой. Одно дело стратегия китайской военной науки, а другое – западные теории.

Именно характер войн наиболее явно показывает, насколько современное западное общество и культура деградировали, причем не только массы, что более или менее понятно, но и так называемые элиты. Восточные цивилизации, Китай, Индия, также вовлечены в этот процесс, и произошло это не сегодня, не вчера, и даже не с момента их столкновения с западной цивилизацией. Начало деградации, спуска к более примитивным и грубым состояниям лежит в разрушении того, что традиционно считалось нормальной духовной иерархией. Согласно традиционным представлениям нормальная духовная иерархия обеспечивала не только социальный порядок, но и космический. Нарушение иерархии вело к войне людей в обществе и войне богов в космосе [11]. Отрицать, что современное состояние мира есть тотальная (глобальная) война, невозможно, смиряться с этим – безумие. В традиционном обществе войны тоже были, но они не угрожали уничтожением всего человечества, и даже всего живого на Земле. Не были тотальными. Хотя, возможно, что в Махабхарате содержится воспоминание об уничтожении цивилизации, предшествовавшей нашей, но вероятнее всего, прежние цивилизации гибли от внутренних изъянов.

Этот поразительный контраст невозможно объяснить с точки зрения частных наук, ни одной из них. Очевидно, конечно, что в современном мире войну ведет банковский капитал, нечто виртуальное и по сути фиктивное. Ведет этот пустотный фантом войну против всего реального существования человечества. Это ясно, но почему человечество дошло до такой катастрофической ситуации и почему нет светлых умов, которые смогли бы найти выход из нее, – вот в чем вопрос. Ведь эти пресловутые финансовые элиты, коих всего-то несколько кланов, даже если они достигнут своей цели сокращения населения планеты до 1–2 миллиардов, не выживут, во-первых, потому, что для больших денег нужны именно большие массы и вера этих масс в силу денег, а во-вторых, после сокращения населения элиты начнут уничтожать друг друга, это неизбежно. Все получится так, как описано в рассказе Р. Шекли «Абсолютное оружие»: последний человек, победитель и убийца, завладевает «Абсолютным оружием», которое его заглатывает со словами: «Обожаю протоплазму». Абсолютное оружие, подобно черной дыре, поглощает все. По этому же алгоритму действует раздутый пустотный банковский капитал, который поглотит всю «протоплазму», в которую превратится человек,

⁶ Нередко сближают разные виды противостояния, борьбы с войной. И войну представляют как некую игру на исторической сцене. Спорт – война, Политика – выражение экономики, а война – выражение политики, только иными средствами. Но все-таки есть четкая грань, отделяющая собственно войну от всех прочих проявлений вражды и борьбы. Это именно убийство. Согласно традиционным учениям именно с первым убийством смерть вошла в творение. С этим первым событием изменился весь мир. И дело не в том, что можно самому не убивать, а через посредников (исполнителей), или какими средствами исполнять это, например, не оружием как таковым. Можно убить и словом, и мыслью, и даже взглядом, не говоря даже о более изощренных способах «наведения» смерти: поступками, созданием определенных обстоятельств, отношениями и т.п. поведенческими «конгломератами» смыслов.

жаждущий власти через владение Абсолютным оружием. А современный человек верит в деньги и во власть, которые не имеют другого основания, кроме этой веры.

Постичь ход событий, ведущий к такому исходу, можно только с метафизической точки зрения. Картину падения человечества в состояние «протоплазмы» Рене Генон представляет так: западная цивилизация, порвав связь с исходным духовным единством человечества, с изначальной Традицией, постепенно порывает все связи с духовным миром, замещая подлинно духовную жизнь имитацией, действительные духовные центры псевдо духовными. Вместо традиционной метафизики, требующей высшего интеллекта, обращается к низшим способностям, создавая материалистическую науку, обслуживающую исключительно материальные потребности, скорее даже прихоти, что ведет к катастрофическому сужению горизонтов познания и понимания мира, того, что в нем происходит, да и самого человека тоже, разумеется. Болезни и патологии современного человечества – это индивидуализм, антиинтеллектуализм, материализм, разрушение духовной иерархии, война всех против всех, хаос в умах, в обществе и культуре. Восток, конечно, не может не присоединиться к этому процессу, что только усложняет ситуацию.

Суть войны и цель ее с точки зрения социальной философии (не метафизики) – изменение распределения отношений «господства-подчинения», изменение соотношения господин-раб. В китайской философии войны это – соотношение государств, борьба за господство над другими (врагом) и за их имущество. А следование Дао и все другие метафизические отсылки – обеспечение этой цели. Сунь-цзы, главный авторитет военной философии и стратегии в Древнем Китае, полагал, что война – это путь обмана. Но обман – это средство, а цель – восстановление гармонии и спокойствия в государстве; ведется она в границах гуманности: «Одержать сто побед в ста сражениях – это не вершина превосходства. Подчинить армию врага, не сражаясь, – вот подлинная вершина превосходства. Поэтому тот, кто преуспел в военном деле, подчиняет чужие армии, не вступая в битву, захватывает чужие города, не осаждая их, и разрушает чужие государства без продолжительного сражения. Он должен сражаться под Небом с высшей целью "сохранения"»⁷. Но никакого представления о чем-нибудь подобном рыцарской чести или благородства, свойственного представлениям о войне в европейском средневековье, в этом почтенном трактате, пользующемся огромным успехом не только у военных стратегов, но и у всех жаждущих успеха и богатства, конечно, нет. Это очень техничный общий план установления господства и проведения грабежа таким образом, чтобы побежденные и ограбленные меньше противились и роптали. Никаких «ковровых бомбардировок» и «тактики выжженной земли». Зачем? Тогда нечем будет попользоваться. Трактат, разумеется, этим не исчерпывается, но общий дух войны в нем именно таков. Это никак не война всех против всех. Мир все-таки лучше, а мирное завоевание – вообще вершина мастерства. В этой «практичности» есть хитроумие и проницательность, но как будто вообще нет никакой глубины. Война – это почти естественно, по крайней мере нормально, одно из состояний, и всё. Однако в этом как будто чисто практическом учении есть своя глубина и мудрость: «Это мудрость равнозначна полноте знания подробностей жизни, в которой внезапно открывается некое внутреннее, непостижимое для постороннего взора понимание. Накопление знание само по себе было бы неким проклятием для человечества, если бы оно не обещало качественного прорыва в видении мира. Это расширение знания требует возрастания духа. С этой точки зрения традиция китайской стратегии может оказаться очень полезной для нашей "информационной цивилизации"» [8, 416].

Китайскую изворотливость дополняет то, что убийство не подлежит абсолютному запрету. Этот запрет вообще редко бывает абсолютным, а может быть, и никогда. Развитость боевых искусств и мода на них на Западе и у нас тоже говорит о почти повсеместной готовности к убийству. И, как правило, достигшие просветления этим путем (боевых искусств, т.е. готовности к убийству) всем живущим являют вонне сострадание, чуть ли не трогательную заботливость, доходящую до сентиментальности. В Европе это же сочетание готовности к

⁷ В переводе В. В. Малявина: «...Тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая их; сокрушает чужое государство, не применяя долго свое войско. Он обязательно будет спорить за власть над Поднебесным миром, все сохраняя в целости. Поэтому можно вести войну, не притупляя оружия, и иметь выгоду из того, что все сохраняется в целости» [8, 129].

убийству и сентиментальности, как всегда, без обиняков, прямо и непосредственно явлено в фигуре палача. Он спокойно и умело исполняет свое дело, но дома в семье ласков и заботлив, на окошке цветочки, в доме кошечка, собачка и т.п. Если человек пусть даже только мысленно может убить или нанести удар другому человеку, то он уже «в сердце своем» убил его. Чжуан-цзы, великий мудрец, афоризмами коего мы все, конечно, восхищаемся, показывает царю свое боевое искусство, совершенное владение мечом. Целью было отвратить царя от пагубной страсти к поединкам, в которых уже погибло триста человек. Чжуан-цзы показывает искусство «трех мечей», первые два искусства – владение силами Вселенной, как сейчас мы бы сказали. Они демонстрируют власть над Вселенной (секрет всякой войны и потенциального убийства жажда власти вообще надо всем, при этом можно демонстрировать, что она и не нужна вовсе). Третье искусство меча – профанное, т.е. фактические поединки профессиональных убийц. И в результате зло само себя уничтожает: «С того дня царь Вэнь три месяца не выходил из дворца. А все мастера меча покончили с собой в своих квартирах» [8, 44]. Сцена полна трупов, как в шекспировской трагедии. Все в восторге. А страсть царя к поединкам сама собою угасает. Однако если мудрецы незримо присутствуют в мире, зачем же они в корне эту страсть царей не гасят, а доводят ситуацию до тотального смертоубийства? Мы, читая Чжуан-цзы, восхищаемся его парадоксами и его общением с Вселенной, Небом и Землей, его метафизическим действием и знанием, но почему же, так лихо расправляясь с уже обострившейся ситуацией, не прибегнул он к умиротворению, не погасил воинский пыл участников поединков, великих мастеров «меча и кинжала»? Не лучше было бы оптом превратить их в святых, как преобразился, раскаявшись, разбойник Опта; была бы тогда и китайская Оптина Пустынь?

Впрочем, не забудем о трудностях и сомнительностях всякого перевода.

В эзотерической традиции цель «священной войны» и тот враг, с коим война ведется, не есть покорение соседей или овладение их богатствами, и не власть над силами природы, а преодоление обусловленности, в которой пребывает живое существо, в частности, в ограниченной человеческой форме. Бхагавадгита рассказывает нам не столько историю завоевания ариями Индостана, сколько повествует о пути восхождения по ступеням йоги (для кшатриев) к освобождению от обусловленности индивидуального сознания, путь восхождения к универсальному. Такое путешествие может быть изображено иным образом, например, странствования аргонавтов за Золотым руном. Золотое руно это, конечно, не овечья шкура. Это память о зороастрийском символе мира, Вселенной – это шкура перво-Быка (древние наследники полярной цивилизации вовсе не поклонялись конкретному животному; просто бык был символом сотворенного мира), на которой были начертаны высшие знания, изначальная Авеста, намного более древняя, чем историческая. Аргонавты плавали за знанием, пересекая волнующиеся воды моря, моря страстей, заблуждений, преступлений, обмана. Искали истину. Очевидно, что и Гомер нам повествует не столько об исторических событиях, сколько о символическом отражении некоего великого знания. Возможно, что была какая-нибудь «Прекрасная Елена», опереточная, как у Оффенбаха. Но «героический энтузиазм» она вызывать явно была бы не в состоянии. Не будем забывать, что Афродита, защитница Трои, и Афина, покровительница греков, суть две ипостаси одной и той же богини, Истины. Значит, смысл битвы состоял в обретении высшего знания. Символически, конечно. Знания о чем? Да все о том же, о путях к истине, к познанию изначальных принципов бытия. Сама история, а Гомер рассказывает священную историю, есть тоже символ, а не бессмысленный ряд событий и перемен, ведь если все есть перемены, то по крайней мере сама эта изменчивость постоянна. Аналог парадокса лжеца, который всегда можно применить к любому негативному утверждению, доведенному до предела. Если всё иллюзия, то утверждающий иллюзорность тоже иллюзорен, следовательно, нет ему доверия, и сама иллюзорность должна быть не реальной. И так далее. Война и есть предельное утверждение отрицания, отрицания принципа жизни, какие бы выгоды и небывалые знания она нам ни приносила. Не нужно!

Нам важен и интересен метафизический подход к этой проблеме, потому что без этой наивысшей точки зрения невозможно понять и все другие, более частные позиции. Без этого невозможно ответить на детский вопрос – почему же люди воюют? Ведь очевидно, что никто на самом деле не побеждает, чисто материальные приобретения быстро исчерпываются, «ирония истории» очень быстро превращает победу в беду, обретения скрывают в себе роковую опасность распада. Современное оружие totally разрушает среду обитания всего

человечества, и не только физическую, но и психическую. Война превратилась в обыденное, повседневное дело, в рынок, просто в рядовое сообщение среди других новостей. Делается это за счет повсеместной милитаризации сознания людей всюду, куда проникают СМИ, а они проникают повсюду. Самое опасное в этом не то, что на виду, а то, что скрыто. Прежде всего разрушается информационно-энергетическая оболочка Земли, как единого, целостного организма. А наша планета есть своего рода целостность, аналогичная живому организму.

Историческая недалекость или, скорее, не прозорливость воюющего духа поразительна. Он не прозревает глубины смысла, эта глубина ограничена только победой, ему нужна одна победа, и больше ничего. Он сам себя не сознает⁸. Неужели не мы сами определяем, жить ли нам в мире или воевать, неужели это звезды нами повелевают, как это полагают астрологи. Мы же безвольные куклы в руках могучего космического Кормчего, которому и дела нет до того, погибнет ли человечество в огне или уже не в огне, а в лучах войны или же очистится и преобразится. А может быть, все-таки правы те мудрецы, которые утверждают, что если звёзды управляют людьми, то мудрый человек сам управляет звездами? Где же этот мудрец? Не сами же воюющие? Но им, конечно, не до конstellации звезд.

«Если бы некая фантастическая техника смогла совершить нечто, сегодня еще немыслимое, то она могла бы произвести и столь же неслыханное разрушение. Если бы возможно было техническим путем уничтожить основание всего человеческого существования, то едва ли можно сомневаться в том, что однажды эта возможность была бы и осуществлена. Наша активность может сдерживать, продлевать, добиваться отсрочки на известный отрезок времени; весь наш опыт о человеке в его истории говорит нам, что даже самое ужасное из возможного где-нибудь и когда-нибудь будет когда-нибудь совершено. *Крах – это последняя действительность*; таким представляет его неумолимо реалистическое ориентирование в мире» [12, 273], – такое проникновенное созерцание представил нам Карл Ясперс. Он сформулировал это еще до создания ядерного оружия, между двумя мировыми войнами, потрясенный крахом основ европейской цивилизации. Вот такое сокрушенное состояние умов, возникающее при созерцании тотальной войны, вызывает к метафизике. Порождает вопрос к Богу, т.е. ведет к теодицее: «Теодицеи – это ответы на вопрос о бедствиях существования, о неизбежной вине, о злой волк: как Бог в своем всемогуществе мог сотворить мир таким, что допустил в нем эти беды и несправедливости, что в нем существует зло? Или в широком смысле: как можно постигнуть ценностно-отрицательное в существовании? Если компенсацией за бедственность существования в настоящем представляется счастье потомков (как, например, в мессианских идеях иудеев, в социалистических утопиях), если далее эта компенсация воображаемо представляется в некоем потустороннем мире (например, как награждающий или наказывающий сверхчуждственный суд), тогда этот вопрос о необходимости возмещения постоянно возникает со всей настоятельностью снова и снова» [12, 97]. Теодицей много, ответов на вопрос об источнике и природе зла в человеческой истории тоже человеческий интеллект наработал множество, однако, сталкиваясь с его изощренными явлениями (в противовес теофаниям), человеческий ум неизбежно приходит в недоумение, теряет себя в непостижимости предмета.

С традиционной (метафизической) точки зрения, в состоянии войны находятся существа нашего множественного мира в той мере, в какой они погружены в материальный план существования или, говоря точнее, в физический план универсального существования, для которого свойственно не неизменное пребывание, а становление, нисхождение во множественные состояния и восхождение к Единому. Постоянное пребывание в движении, в потоке перемен. Здесь мир – это только перемирие и подготовка к грядущей войне.

Вопрос о войне распадается по крайней мере на две части: кто в действительности воюет и из-за чего или ради чего ввязываются в эту трудную деятельность?

Если встать на точку зрения Гегеля, чья позиция была близка к метафизической, то на первый вопрос он дает ясный ответ: мировой Дух таким способом разворачивает свои возможности через диалектическую борьбу противоположностей. Истина обретается в конце истории, когда Абсолютная Идея достигает полноты своего воплощения. Однако этот исторический оптимизм и прогрессизм несли на себе печать своего времени, в котором уже

⁸ Для осознания смысла нужен особый способ созерцания, умное зрение.

были заложены все грядущие патологии современного состояния цивилизации. И «конец истории» будет скорее полнотой воплощения всех предыдущих ошибок, отклонений и падений⁹. Точно так же, как это происходит в конкретной жизни каждого человека, в которой, как правило, накапливаются искажения, а не совершенства. В целом, вопрос о войне и мире можно свести к антиномии – войны были всегда и всегда будут, желания вечного мира – глупые мечтания; или же - война это патологическое состояние общества и плохой организации взаимодействий между разными обществами, следовательно, мир не просто желателен, но возможен и необходим. В пользу каждой позиции было высказано много соображений, весомых аргументов. Вряд ли эта антиномия разрешима на уровне обыденного сознания, на основе психологических, социологических или исторических аргументов.

На эти вопросы можно с большей уверенностью ответить, если современное состояние общества с его втянутостью в тотальность войны и милитаризацией общественного сознания соотнести с традиционным¹⁰ обществом. В традиционном обществе существует незыблемая духовная иерархия и соответственно иерархия властей – духовной и светской. В современном обществе ни о какой духовной иерархии говорить не приходится, поскольку в нем нет реального посвящения, нет традиционных посвященческих организаций. Нормальные отношения между духовным авторитетом и светской властью, свойственные традиционному обществу, давно канули в непроглядное прошлое. В современных обществах светская власть считает себя независимой от духовного авторитета (да его и не найти!¹¹), она зависит от признания ее избирателями, народом, так сказать, общественным мнением. То есть ее легитимность совершенно условная, она не опирается ни на какое прочное основание, ведь мнение – вещь очень неустойчивая. Иными словами, «война и мир», с метафизической точки зрения, могут рассматриваться в плоскости двух осей – соотношение властей духовной и светской, а также существования и стабильности духовной иерархии.

Интересно, что уже в античности можно найти «идеальный» образец войны. Последний бой в войне в трагедии Эсхила «Семеро против Фив», в котором брат убивает брата

⁹ Истина конца истории – в ее начале. Если оставить метафизику и обратиться к фактичности, то мы в начале фактичной, т.е. известной нам, как мы полагаем, истории Мирча Элиаде в своем исследовании «История веры и религиозных идей» пишет о наследстве палеолитических охотников, чудесным образом оживающих и в нашем мире: «Охота как средство поддержания существования сохраняется и в обществах земледельцев. Вероятно, какое-то количество охотников, которое отказалось принимать активное участие в земледельческом хозяйстве, стали использовать в качестве охранников деревень – сначала от диких зверей, ... позднее – от грабителей. Вероятно также, что из этих групп охотников выполнявших охранные функции, сформировались первые воинские организации... Воины, завоеватели и военная аристократия продолжают символизм и идеологию парадигматического охотника... Тип поведения, в течение одного-двух миллионов лет неотделимый от человеческого (по меньшей мере, мужского) образа жизни, не так легко упразднить. ... Вторжения и завоевания индоевропейцев и тюрко-монголов будут предприняты исключительно под знаком охотников, “хищника”. ... Парадигматически воин усваивал поведение хищника... Повсюду в евразийском мире, от появления ассирийцев до начала нового времени, охота служит для суверенов и военной аристократии как школой и испытательным полем, так и любимым спортом» [11, 50-51]. Человек-хищник – это начало войны в историческом времени, оно зеркально борьбе с метафизическим Злом в зороастризме, метафизическая победа есть залог победы над злом (войной) в бесконечном времени. Интересно, что гений Л.Н. Толстого изобразил азарт охоты на волков (целая армия охотников, Ростовых, - 130 собак и 20 всадников травили выводок волков) накануне большой войны. Это, конечно, тоже примечательное подобие и предвестие.

¹⁰ Под традиционным обществом я здесь имею в виду то общество, о котором говорится в доктрине Рене Генона. Мирча Элиаде, тоже исследователь традиции, может быть один из самых интересных и глубоких, занимает точку зрения не эзотерическую, а историческую и сравнительную, в отличие от Рене Генона. Пересказывать доктрину последнего невозможно. Можно только отметить, что традиция здесь понимается не как обычаи, нравы, какие-нибудь исторически складывающиеся формы культуры и социума. Традиция есть то, что передается во времени без изменения, т.е. это некий, некий высший Принцип, который не может быть затронут давлением временных обстоятельств. Напротив, сами эти исторические обстоятельства следуют из этого изначального Принципа. Духовная иерархия есть его воплощение. Она пронизывает собою все аспекты жизни. Для нашего времени (Кали-Юга) характерно забвение Принципа, разрушение иерархии, переворачивание ее. Современное общество, таким образом, контр традиционно, элиты не есть в собственном смысле элита, она псевдо элита, так как не причастна высшему духовному Принципу. Для традиционного общества свойственно наличие посвящения, которое также не следует смешивать с инициацией, существующей в так называемых примитивных сообществах.

¹¹ Сейчас под словом «духовный» подразумевают по большей части какую-то культурную деятельность в различных сферах – в искусстве, науке, религии. В традиционном понимании духовное качество обретается в ходе посвящения, меняющего человека кардинальным образом.

практически одновременно, один наносит удар копьем, а другой – мечом: «У седьмых ворот — сам твой брат Полиник: или сам умрёт, или тебя убьёт, или выгонит с бесчестьем, как ты его; а на щите его писана богиня Правды», – предупреждает гонец. «Горе нам от Эдипова проклятия! но не с ним святая Правда, а с Фивами. Сам пойду на него, царь на царя, брат на брата», – отвечает брат Полиника Этеокл. Знаменательны здесь два момента: то, что братья одновременно убивают друг друга, а также то, что Правда и на той, и на другой стороне. У истока рода пренебрежение к предупреждению оракула разделило Правду на две половины, рассекло ее. То, что было счастьем, принималось за несчастье, а несчастье казалось счастьем. Но Правда-Истина одна, вот из-за нее-то и ведется бой. Истинная причина не собственная воля царя (господина, полководца, императора), а изначальное преступление и последовавшее затем проклятие, распространившееся на весь род. Мало кто обращает внимание на то, что род не только «запутался», как запутывается нитка, которую невозможно распутать, но он еще и раздваивается (символически, разумеется). У Эдипа дети – две пары близнецов, два сына и две дочери, они плоды инцеста, и они исполняют довольно симметричные функции, их роли в этой запутанной истории перекрещиваются. Вообще в мифах все раздваивается, перекликается и при этом находится в согласованности. Оркестр смыслов. И здесь – мир может наступить только тогда, когда перекрестные оппозиции расходятся: братья-близнецы убивают друг друга, а сестры-близнецы расходятся в разные стороны перед лицом царства теней, по-разному исполняя свой долг рода. Одна хоронит брата, нарушая установления государства, и погибает от этого; другая сопровождает отца, который становится святым-покровителем города (не Фив, а Афин, точнее, Колона, пригорода). Тем не менее, симметрия персонажей и их ролей удивительна, создает замечательный узор, если всмотреться; это какой-то удивительный танец судеб. Тот же принцип гармонии и симметрии в устройстве самого произведения искусства царит везде, где искусство возвышается до символа. Разумеется, что символ здесь надо понимать тоже метафизически, а не так, как это стали понимать в наше время, когда он сводится к знаку природных явлений, к психологическому средству, служащему более приятному и удобному существованию в нашем мире. У символа одна часть – знаковая – остается в виде образа в мире множества, материальности, а вторая только подразумевается, ведет к единству, бытию, вечному миру.

Интересно, что даже современное искусство, будучи по сути профанным, нередко возвышается до такого устройства произведения. Это легче достигается в музыке, но встречается и в других видах искусства, когда все линии смыслов и образы переплетены таким образом, что каждый образ отсылает к другим, каждая линия резонирует со всеми остальными. Можно сказать, что такое устройство произведения символизирует состояние мира. Душа мира, точка тишины и спокойствия не есть нечто нерасчлененное и слившееся, как бы спекшееся в сплошной неразличимой бесцветной или даже черной массе. Здесь, напротив, пребывает Душа Мира (в русском языке скрыта метафизическая глубина, здесь слово «мир» имеет оба значения, мир-тишина, спокойствие и мир-вселенная, а также мир-человеческая-вселенная). А Душа в мире и не от мира, ее существование чисто духовное, хотя все, что мы видим, слышим, воспринимаем, мыслим, чувствуем, понимаем, – все это ее дела и ее облики. И те гармонии и симметрии, о коих только что шла речь, суть ее припоминания, как бы стигматы на поверхности физического мира и нашего восприятия, по которым мы узнаем, что у нас самих есть Душа. И что она – мир. И что, будучи миром, она вне власти и подчинения, вне господства и рабства, а есть сама недостижимая любовь. И, как все несовершенные образцы земной любви, есть свидетельства (конечно, ненадежные) возможности совершенной, божественной Любви (еще одно доказательство существования Бога, в котором Он и не нуждается вовсе!), так и относительно совершенные гармонии великих произведений искусства суть свидетельства возможности состояния вечного мира в потоке жизни, не как вечного покоя за ее границей. Хотя, может быть, оно и недостижимо. Война же, напротив, выглядит вполне реально и задевает за живое каждого.

Перед заключительным аккордом вспоминается еще одна символическая, а следовательно, метафизическая тема, развертка идеи войны и власти, понятых уже не как конкретные состояния социума, а как внутрикосмические определения. Я имею в виду неоплатонизм, в частности комментарии Прокла к платоновскому «Тимею».

«Если бы целью государственной жизни была война, то придется признать, что война ведет государство к совершенству; если же – мирная жизнь, то зачем приводить перипатетические аргументы для решения платоновских вопросов? Но даже если война не является целью [государства], все равно она обнаруживает величие добродетели в гораздо большей степени, нежели мирная жизнь, также как искусство кормчего проверяется штормами, бурями и невзгодами. ... Но даже если это объяснение и имеет политический смысл, было бы неразумно довольствоваться им одним, упуская из виду общий смысл Платона [состоящий в том, чтобы показать], что бог, обустроивающий государство на небе, хочет, чтобы становление управлялось небесными богами, и чтобы между материальным и идеальным постоянно шла война, в результате которой круг становления отображал бы собой круг небес. Поэтому желание Сократа видеть государство вовлеченным в войну равносильно желанию видеть, как небесные боги создают и направляют становление в целом» [9, 98].

Жизнь государства, согласно традиционной точке зрения, есть отражение небесного порядка. Но в этом отражении господствует становление, а становление есть война: «Ведь устроитель неба тоже хочет видеть, как оно движется и через движение управляет войной становления» [9, 102-103]. И в этом становлении боги, их ипостаси на планах бытия, в разной степени удаленных от внекосмического порядка, тоже воюют между собой. Можно называть их силами, энергиями, эгрегорами, началами, как угодно. Греки называли их богами.

Афина спорит с Посейдоном за власть над Афинами. Атлантида, жители которой были потомками Посейдона, воевали с Афинами. Еще теми, о которых мы мало что знаем. Традиционными, в которых Афина царила, присутствуя. Почему они воевали? Утверждают, что атланты предали материальной магии (мы бы сказали: пошли по пути научно-технического прогресса). Это есть нарушение высшего порядка, первоначала. Отсюда вывод – Афина не только действующая в мире Артха, т.е. Богиня истины у зороастрийцев, но она же Адрастея. АдРасТея – Артха, Арта, Аша, Афина (все имена одного и того же высшего начала, Истины). Последовательность демиургий и небесных управлений. Посейдон надзирает за становлением, Афина – за вечным, в том числе и за логосами. Посейдон – воды, «хаосы» верхний и нижний, две половинки мирового яйца, из которого получился при демиургии мир. И в государстве воюют их же «спутники». В пересказе Государства (X, 619bc) и комментируя Тимея, Прокл пишет: «Сошедшие с небес души выбирают преимущественно тиранический образ жизни. Привыкнув там сопровождать богов, и вместе с ними управлять миром, они и здесь гонятся за воображаемым могуществом, подобно тому, как хранящие воспоминания об умопостигаемой красоте влюбляются в красоту мнимую» [9, 114]. Причем пересказ был предпринят не ради описания воинских подвигов и правильного устройства государства, а имел «своею целью единой демиургии космоса [9, 116] «Афина удерживает все космическое творение в целом, содержа в себе мыслящие жизни, по которым сплетается... мир, а также единящие силы, которыми умирят внутрикосмические противоположности» [9, 130]. Точно также как Адрастея (на предшествующем, изначальном уровне) удерживает весь порядок, и космический, через свою ипостась, Афины, и надкосмическую, то есть изначальное Единое.

«В мировой войне принимают участие и единичные души, и единичные природы, и поделенные на части формы, особенно же – вечно юные и деятельные, но при этом все они содержатся богами, надзирающими за демиургией, и образуют единый космос, единую гармонию и единую всесовершенную жизнь» [9, 136]. «Весь мир – единое живое существо, и, поскольку все его части связаны симпатией, он сохраняет одни части за счет других, так что в результате ничто происходящее не идет вразрез с природой целого. Все возникающее в мире возникает через него самого, так что действующим является сам космос, причем действующим на самого себя» [9, 163]. Войны, ведущиеся государствами, есть символ мировой внутрикосмической противоположности, которая пронизывает все порядки всеобщей демиургии (мирового устройства). Государство подражает своей богине, а «Афина *любит мудрость и брани*» (Платон, Тимей, 24d). «От любви богини к браням афиняне позаимствовали воинскую доблесть, а от любви к мудрости – совершенные законы» [9, 178]. Священный пеплос Афины, на котором изображалась битва богов и титанов, есть «покрывало сущности этой богини, которая мыслящим образом есть все, чем мир является внутрикосмическим образом. Ведь, управляя войной в мире, она не смотрит ни на кого, кроме самой себя» [9, 186]. В себе, в своей надкосмической сущности, она абсолютный порядок,

покой. В этой точке действительно все исторические традиции, именно в качестве причастия в Единой Духовной Традиции, совпадают.

«Для того, кто достиг реализации совершенного состояния единства в самом себе, прекращается всякое противостояние, тем самым прекращается состояние войны, так как нет ничего кроме абсолютного порядка, согласно всеобщей точке зрения, которая по ту сторону всех частных точек зрения. Такому человеку отныне ничего не может вредить, так как нет больше для него врага ни в нем, ни вне его; единство, осуществленное внутри него, есть также одновременно и вне его... Установившись окончательно в центре всех вещей, он есть "для самого себя свой собственный закон", потому что его желание едино с всеобщей Волей ("Волей Неба" дальневосточной традиции); он достиг "великого Покоя", который есть Божественное присутствие... Отождествившись через свое собственное единение с самим изначальным единством, он видит единство во всех вещах и все вещи в единстве, в абсолютной одновременности "вечного настоящего"» [1, 98-99].

Если западные военные доктрины опираются на технику орудий (внешнюю), то дальневосточные – на «технику сердца»¹². Что же из этого хуже? Бой, согласно Л. Н. Толстому, подчиняет ход событий некой невидимой машине, тогда эта машина оказывается непосредственно в сердце?

Итак, кратко и последовательно назову главные темы, касающиеся нашего сюжета, а именно, война и власть.

В историческое время войны были всегда. Большинство священных памятников, книг повествуют о войнах.

Но никогда не было состояния тотальной войны и милитаризации сознания. Параллельно с «прогрессом Войны» происходит возрастание Власти. Третьим участником этого процесса являются деньги, точнее, фиктивный капитал. Это настоящий идол современности.

Власть, Война и Деньги ставят себе на службу все институты культуры, которая вынуждена их обслуживать

Тотализация войны и возрастание власти характерны для современного мира, состояние которого определено западной, антитрадиционной цивилизацией.

Традиционная культура и общество устроены иным образом. Чистых образцов традиции в настоящее время не существует. Современное состояние мира определено не принципом гармонии, а принципом смешения.

С экономической точки зрения войны ведутся за ресурсы (материальные, энергетические, за пространство и время).

С политической точки зрения войны ведутся за господство (между центрами власти, как и всякая борьба).

С общекультурной точки зрения за символическое доминирование, за присущее той или иной культуре, добытое в истории то или иное понимание смысла существования. Сюда же относятся религиозные войны.

С эзотерической точки зрения, а следовательно, с традиционной, так называемая «священная война», если ее смысл не извращается, ведется внутри самого человека, против ограничений индивидуального сознания, против невежества, за знание. Мир в этом понимании есть состояние единства, согласованности со всем сущим, с Универсальным существованием. Война не есть локальное ограниченное во времени состояние мира, это состояние всего мира, его хроническое заболевание.

¹² Китайцы имеют практический интерес к «научно-техническому знанию о мире, которое порождает технику орудий (в чем так преуспел Запад). Они сильны своим интуитивным знанием того, То они называли «техникой сердца», то есть искусством вселенской общительности вещей... И нетрудно заметить, что китайские стратагемы – это всегда искусство интимного понимания противника» [8, 410]. Иными словами – если, конечно, слово «техника» имеет смысл, схожий с «техникой» в случае «орудий», - орудование помещается в самом сердце бытия, ради чего? Ради победы и выгоды. Как мы помним, Л. Н. Толстой весьма проникательно сравнил бой с машиной, неодолимой техникой, которая полностью подчиняет себе человека, вступившего в этот бой. Таким образом, война, оказывается, есть машинизация человеческого существа (обращение жизни в технику). В этом и состоит главная победа Войны над Жизнью.

Литература

- Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. СПб.: Журнал «Нева» - РХГИ, 1997. 480 с.
- Генон Р. Символизм Креста. М.: Прогресс-традиция, 2008. 704 с.
- Генон Р. Заметки о посвящении. М.: Беловодье, 2010. 391 с.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
- Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: Петербургское востоковедение и Азбука, 2003. 320 с.
- Жувенель, де Б. Власть: естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. 546 с.
- Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 4 т. на нем. и русс. яз. Т.1. М.: Издательская Фирма АО «Ками», 1993. С. 353-477.
- Китайская военная стратегия / Сост. В. В. Малявин. М.: Астрель, 2002. 429 с.
- Прокл Диадох. Комментарий к «Тимею». Книга 1. / Пер. В. Месяц М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2012. 376 с.
- Титаренко М. Л. Мо Ди, Мо-цзы. // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. II. М.: Мысль, 2010. С. 600-601.
- Элиаде М. История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический проект, 2012. 622 с.
- Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 296 с.

References

- Avesta v russkikh perevodakh* (1861-1996) [Avesta in Russian Translations], Ed. by I. V. Rak. Saint-Petersburg: Zhurnal «Neva» - RKhGI, 1997. 480 pp. (In Russian)
- Eliade, M. *Istoriya very i religioznykh idei. Ot kamennogo veka do elevsinskikh misterii* [A History of Religious Ideas. Volume 1. From the Stone Age To The Eleusinian Mysteries]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2012. 622 pp. (In Russian)
- Emel'yanov, V.V. *Drevnii Shumer. Ocherki kul'tury* [The Ancient Sumer. Essays on Culture]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie i Azbuka Publ., 2003. 320 pp. (In Russian)
- Graves, R. *Mify Drevnei Gretsii*. [The Greek Myths]. Moscow: Progress Publ., 1992. 624 pp. (In Russian)
- Guenon, R. *Simvolizm Kresta* [The Symbolism of the Cross]. Moscow: Progress-traditsiya Publ., 2008. 704 pp. (In Russian)
- Guenon, R. *Zametki o posvyashchenii* [Perspectives on Initiation]. Moscow: Belovod'e Publ., 2010. 391 pp. (In Russian)
- Jaspers, K. *Filosofiya. Kniga tret'ya. Metafizika* [Philosophy. Book 3. Metaphysics]. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2012. 296 pp. (In Russian)
- Jouvenel, de B. *Vlast': estestvennaya istoriya ee vozrastaniya* [On Power: The Natural History of Its Growth]. Moscow: IRISEN, Mysl' Publ., 2011. 546 pp. (In Russian)
- Kant, I. "K vechnomu miru" [Toward Perpetual Peace], Kant I. *Sochineniya v 4 t. na nem. i russ. yaz. T.I.* [The Complete Works in 4 Volumes on German and Russian language]. Moscow: Izdatel'skaya Firma AO «Kami» Publ., 1993. P. 353-477. (In Russian)
- Malyavin, V.V. (ed). *Kitaiskaya voennaya strategiya* [Chinese military strategy]. Moscow: Astrel' Publ., 2002. 429 pp. (In Russian)
- Proclus Lycæus. *Kommentarii k «Timeyu». Kniga 1* [Commentary on Plato's Timæus. Book 1], trans. by V. Mesyats. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 2012. 376 pp. (In Russian)
- Titarenko, M. L. "Mo Di, Mo-tszyi" [Mo Di, Mozi], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia in 4 Vol.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 2010. P. 600-601. (In Russian)

War: fate or ill will?

Lyubimova T.B.

Abstract: In the modern world, the war becomes total, and the consciousness militaristic. Explanations of this phenomenon by private theories (sociological, economic, political) do not exhaust this phenomenon. The idea of an eternal peace was born long ago, but it remains utopian. There are cultural differences in the understanding of war and peace. The doctrine of the One Spiritual Tradition contains a metaphysical point of view on this problem. It is inherent in this regard, a universal position, covering the course of civilization as a whole. In many traditional cultures, it was realized in terms of good and evil. The common denominator of different points of view was: war is an inevitable evil. Military theories were developed, often ideologically justifying this evil by the desire for peace and good. Power, war and culture are mutually supporting and producing each other. Wars lead the authorities against other authorities. War and power, mutually inducing each other, increase globally and total. From all other types of conflicts, war is different in that murder in it is not just an event, but a norm, it is even welcomed, it becomes habitual.

Keywords: Power, ideology, war, culture, art, tradition, metaphysics, peace, symbol, history, murder